

Последние 35 лет большинство нашего населения обдумывают разные сложные ситуации. Я решил изложить в журнале одну проблему, которая меня тревожит (как, думаю, и многих других) – быстрая деградация знания. Эта проблема, видимо, выросла до мирового ранга, но я скажу о нашей ситуации. Казалось бы, за столько лет можно было бы привыкнуть, но в 2017 году я и многие товарищи как-то по-другому подошли к истории русской революции – с опытом катастрофы СССР. Это дало нам новый свет, чтобы ещё раз обдумать прошлое, настоящее и варианты будущего.

Неожиданно образы, которые ушли в историю и закристаллизовались в нашей памяти, как будто ожили и заговорили – и не так, как их представляли нам в школе, в университете, в литературе и в спорах. Во время катастрофы “перестройки”, краха СССР, расстрела Верховного Совета РФ, а сейчас, вдыхая гарь от пожара Украины, приходится всё чаще обращаться к образам, мыслям и действиям наших дедов и прадедов. Моё поколение ещё лично общалось с этими людьми, а люди, рождённые в 1950–1960-е годы, могли совмещать их рассуждения с оценкой послевоенной реальности советского строя.

К этим образам ушедших поколений пришлось обращаться потому, что очень много похожего в той катастрофе 1917 года и в новой – нашей, современной. Хотя структуры у них разные. Попытки выхода из новой катастрофы буксуют, и, главное, нет у нас карты нашей преобразованной местности, она покрыта туманом, пылью и дымом. Трудно нам всем определить ориентиры наших целей и маршруты путей. Но почему даже близкие друзья не могут согласовать образ нашей актуальной постсоветской реальности и определить, хотя бы приблизительно, вектор спасительного движения? Ведь наше население в целом ещё имеет высокий уровень образования и в массе своей сохраняет важные элементы совести и солидарности.

Конечно, это состояние общества объясняется многими причинами. Всегда во время кризиса, при котором распадается мировоззренческая основа и люди сомневаются в прежних ценностях, происходит дезинтеграция общества, деградация мышления и коммуникации – наступает *нигилизм*. Это признак того, что наше общество не может понять и освоить нынешнюю картину мира и самоё себя.

Мы с товарищами в 1990-е годы знали, что “перестройка”, крах СССР и разрушительные “реформы” нанесли всему нашему населению тяжёлую культурную травму, но мы считали, что со временем она залечится. Удивляло, что восстановление здравого смысла и логики происходило очень медленно. Поскольку мы знали, что российское общество за 1905–1925 годы пережило длительный и глубокий катастрофический кризис, но разум работал быстро и чётко, многие из нас стали искать и читать исторические тексты и воспоминания очевидцев. При этом обнаружилось странное явление, мимо которого мы тогда прошли, а сейчас оно представляется удивительным и угрожающим.

Это явление состоит вот в чём.

В 1902 году в России поднялась волна массовых восстаний крестьян, организованных общинами. Организовалась деревня! Масса крестьян имела стратегические цели и выработала технологию борьбы со строгими нормами. Т. Шанин пишет: “Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряжённых телег собирались по сигналу зажжённого костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались “разобрать” поместье... Все отчёты подчёркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...”

Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития... Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи” (Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997).

Крестьянская война охватила практически все регионы помещичьего землевладения. В ходе революции возник целый ряд “крестьянских республик”, некоторые просуществовали целый год. Но для нас ещё важнее была волна *приговоров и наказов* сельских сходов в 1905–1907 годов.

Фундаментальная однородность требований в наказах, полученных из самых разных мест России, говорила о зрелости установок огромной общности крестьян. Так, требование отмены частной собственности на землю содержалось в 100% документов, причём в 78% наказов просили, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой, а не правительством. Реформа Столыпина крестьяне отвергали принципиально, а вот положительные требования: 84% наказов требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога, среди неэкономических форм жизнеустройства выделялись всеобщее бесплатное образование (100% документов), свободные и равные выборы (84%).

Как объяснить, что крестьяне, которые составляли 85% населения России, по большей части неграмотные, не имевшие своей прессы и политических партий, создали целеустремленное и убедительное революционное движение с программой, выраженной ясным языком с понятными и художественными образами. Как мы все – наша советская интеллигенция – этого не увидели, не услышали и не поняли! Как мы просмотрели тексты ведущего социолога того времени М. Вебера (“Русские штудии”), который выучил русский язык, чтобы следить за революцией 1905–1907 годов, и который пришёл к выводу, что мировоззренческая основа русской революции – *крестьянский общинный коммунизм*? Это совсем другой коммунизм, не тот, что у Маркса.

Русские рабочие (в большинстве своём – в первом поколении) тогда и по своему типу мышления во многом оставались крестьянами. В 1905 году половина рабочих-мужчин ещё имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя “на заработках”. Между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне.

Понятно, что рабочие в промышленных коллективах и в городе освоили иные знания, язык и навыки рационального мышления, чем крестьяне. Русские рабочие много читали, познакомились в кружках, на митингах и через литературу с социал-демократией, с марксизмом. Они, как и крестьяне, обдумывали и обсуждали перспективы будущего, вырабатывали устойчивые системы ценностей. Но только теперь, в последние тридцать лет, перед нами возникла проблема: почему тогда у российской интеллигенции сложилась внутренне противоречивая и неустойчивая мировоззренческая платформа?

Это сложная проблема, и её надо и сегодня учитывать; это в какой-то мере объясняет поведение современной интеллигенции.

Надвигающийся крах государственности и предчувствие ещё более тяжёлых катастроф произвели в умонастроении интеллигенции шок, который на время деморализовал её как активную общественную силу. Возникла необычная социальная фигура “и. и.” – *испуганный интеллигент*. Его девизом было “уехать, пока трамвай ходят”. Перед революцией интеллигенты собирались у друзей, обсуждали ситуацию, спорили. Многие переписывали или перепечатавали речи депутатов Думы. Горький так выразил установку интеллигенции: “Главное – ничего не делать, чтобы не ошибиться, ибо всего больше и лучше на Руси делают ошибки”. Революция так ушибла интеллигенцию, что многие с удивлением говорили о её политической незрелости и даже невежестве. Так, философ и экономист (тогда меньшевик) В. Базаров заметил в те дни: “Словосочетание “несознательный интеллигент” звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину”.

Вот крестьяне – и вот “несознательные интеллигенты”! Как это? Только сейчас мы прозрели: ведь в ходе распада общества масса интеллигенции вновь предстала как “испуганные интеллигенты”, и их позиция снова “точно выражает горькую истину”. Но уже в России нет обитинных крестьян, и почти всему населению придётся потрудиться, чтобы вылезти из нашей ямы.

А что же теперь? Уже тридцать лет продолжается, хотя вяло, дезинтеграция и общества, и нации (бывшего советского народа). Ни у какой социокультурной общности не сложилось стремления к какой-то цели и миссии. В России, которая остаётся великой державой, господствует хаос в отношениях граждан. Это – важная угроза. Картина мира, нормы и ценности, рациональность и коммуникации не действуют – кризис культуры!

Чем же отличались граждане СССР, которые доминировали с 1920-х по 1960-е годы? Какой инструмент работал в их сознании и постепенно, с каждым поколением терял свою работоспособность? Выскажу своё субъективное мнение.

Будем говорить о *внутренних факторах*, которые помогли провести СССР до кризиса 1980-х годов, с которым советский строй не справился. Это не значит, что внешние факторы были несущественны для судьбы СССР. Напротив, советский строй не устоял против разрушительного воздействия *союза внутренних и внешних антисоветских сил*. Скорее всего, обе группы сил порознь справиться с советской системой не смогли бы. Но для нас факторы внешней среды были данностью, устранить которую невозможно: холодную войну отменить было нельзя. Нам важно было обдумать те *переменные*, на которые общество было обязано влиять. Но не влияло – не умело и не видело.

Конечно, официальная советская история была мифологизирована, и нам до сих пор требуются большие усилия, чтобы уйти от её стереотипов. Советское образование и история “берегли” нас от тяжёлых размышлений и кормили упрощёнными, успокаивающими штампами. И мы не вынесли из истории уроков, даже из гражданской войны.

Рубежом в развитии советского общества была Великая Отечественная война. Накопленная в войне энергия резко ускорила процессы строительства, экономики и урбанизации. Общество быстро менялось – демографически, и в своей социальной структуре, и по образу жизни. В 1959 году в народном хозяйстве высшее законченное образование имели 3,3 млн человек, а в 1989-м – 20,2 млн человек (14,5%).

Перемены происходили очень быстро, и общество находилось в состоянии трансформационного стресса. А советский проект вырос, прежде всего, из *крестьянского мироощущения*. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что – лишнее, суета сует. Новым важным изменением стала смена поколений. Подростки и молодёжь 1970–1980-х годов XX века были поколением, не знавшим ни войны, ни массовых социальных бедствий, а советская власть говорила с ними на языке “крестьянского коммунизма”, которого они не понимали, а потом стали над ним посмеиваться.

Тот социализм, что строили большевики и весь народ, был эффективен как проект людей, *испытывавших бедствие*. Это могла быть беда обездоленных и оскорблённых социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации,

беда разрушенной войной страны. Но тот проект не отвечал запросам общества благополучного – общества, уже пережившего и забывшего беду как тип бытия.

Переход к новому этапу общественного развития происходил при остром дефиците знания о советской системе в новых условиях. Это особенно проявилось у молодёжи. В 1956 году в МГУ уже ощущалось то, чего пока что не замечалось в массе населения, – *неблагожелательное инакомыслие* в отношении советской системы. В массе все бьются чем-то недовольны, кричат и ругаются, но не подводят под это теоретическую базу, это было “бытовое” недовольство. А в элитарной среде студентов гуманитарных факультетов это инакомыслие было другого типа – “концептуальное”. Они читали философов, Маркса, Троцкого, от них волны докатывались до всех факультетов.

Кризис легитимности вызревал 30 лет – с 1960 года. Под новыми объективными характеристиками советского общества 1970-х годов скрывалась *невидимая опасность* для общественного строя – быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение его прежней *мировоззренческой основы*. В то время официальное советское обществоведение утверждало (и большинство населения искренне так и считало), что мировоззренческой основой общества является *марксизм*, оформивший в рациональных понятиях стихийные представления трудящихся о равенстве и справедливости. Эта установка была ошибочной.

В 1960-е годы вышло на арену новое поколение интеллигенции из городского “среднего класса”. В городе и в ходе смены поколений философия “крестьянского коммунизма” теряла силу, она исчерпала свой потенциал, хотя её положения сохраняются и поныне – в коллективном бессознательном, но уже недееспособными.

Глубокие изменения в образе жизни, структуре общества и в культуре требовали перехода от *механической* солидарности к *органической*. В период “сталинизма” советское общество было консолидировано *механической* солидарностью – все были трудящимися, выполнявшими великую миссию. Все были “одинаковыми” по главным установкам, это общество было похоже на религиозное братство. С 1960-х годов изменялась структура занятости, от традиционных профессий очень быстро стали отпочковываться новые специальности – во всех отраслях. Они должны были быть объединены новой солидарностью – как *организм*, в котором органы разные, но все делают общее дело.

Каждая группа становилась сообществом – со своим профессиональным языком, теориями и методами, с информационной системой. Каждое такое сообщество формировалось как сгусток *субкультуры*. И этот процесс происходил во всей деятельности общества. Связи механической солидарности не распались, но ослабли, многих стало тяготить само требование “единства”. Требовалось плавное формирование *органической* солидарности, не допускавшее разрыва и вакуума, – переход к более сложной системе отношений. К несчастью, общественные и гуманитарные науки СССР с этой задачей не справились (и сегодня не справляются).

Обществоведение не отреагировало на изменения в обществе, оно сохраняло иллюзию стабильности системы ценностей и установок людей, а значит, и иллюзию стабильности общественного строя. Такую же ошибку совершила и монархия, но советское обществоведение из этого не извлекло урока и продолжало поддерживать веру в магическую силу Октябрьской революции и Победы.

Для консолидации советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект и на первом, и на новом этапе был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству революции. Взрывное возникновение множества групп с разными когнитивными структурами и ценностями создало для политической системы ситуацию реальной невозможности пересобрать новое население в общество и нацию на старой платформе, но партийно-государственная машина не могла ни понять, ни предвидеть этого, ни выработать новые технологии.

Но почему советская интеллигенция и масса образованных граждан постепенно утратили навыки рефлексии о прошлом и предвидение рисков впереди? Это общий провал, и задумались об этом совсем недавно, когда обнаружилась

наша беспомощность. Вспомним механическую солидарность крестьян начала XX века, которая развивалась в годы войны, а затем, уже с современным образованием, трансформировалась в органическую солидарность – в сфере сельской жизни и всех её ответвлений. Перестройка расколола общество. Вот исследования социологов 1989–1990 годов. Большим общностям предложили такие три варианта развития (*типичная провокация*): частное предпринимательство, привлечение иностранного капитала, развитие кооперативов. Техническая интеллигенция так ответила “согласны”: 20%, 12% и 8%; квалифицированные рабочие: 10,8%, 6,4% и 5,6%; колхозники и механизаторы: 3%, 0% и 3% (см. “Есть мнение!”, ред. Ю. А. Левада. 1990).

Поэтому в 1992 году были сразу ликвидированы колхозы и совхозы. Академик, ведущий учёный-экономист, член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев – и его риторика: “В деревне всё ещё колхозом воняет. Не дотации колхозам надо давать, а кредиты фермерам... Деревенская общественность, неизменно голосующая за возвращение к “строительству коммунизма”, редко бывает трезвой, но, протрезвев, люто ненавидит “окупиционный режим” демократов, поскольку нет денег на опохмелку” [Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2005. С. 628–629].

Так мы и жили под покровом замечательной картины мира русских крестьян, которые нас учили видеть и понимать красоту природы и людей. Мышление и воображение крестьян были латентными, и за полвека мы утратили наше наследие. К смыслу этого сокровища искал подход Л. Н. Толстой, но успел представить его только в литературе.

Многое сказал знаток русской деревни А. Н. Энгельгардт. Он писал в “Письмах из деревни” (письмо шестое): “Я уже говорил в моих письмах, что мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчёте между крестьянами, никогда ничего не поймём... Между тем, подождите конца, и вы увидите, что раздел поля произведён математически точно: и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы – всё принято в расчёт; что счёт сведён верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей убеждён в верности раздела или счёта. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть *хоть один* сомневающийся”.

То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса... В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное”.

А. Н. Энгельгардт показал результат, но методологию раскрыть тогда в России не успели. Очевидно, что картина мира (или мировоззрение) крестьян создавалась как *синтез* рациональных образов, материальных элементов и неопределённости (интуиции, мифов и художественных образов). Тогда в образованном слое господствовала парадигма механицизма Ньютона. Можно сказать, что мировоззрение крестьян было прототипом неклассической науки с её кризисом физики, нестабильности и необратимости. Известно, что успешная инновация (типа революции) происходит в редкостный момент сочетания многих необходимых обстоятельств. Это – *случай*, и мало кто из политиков способен почувствовать этот момент и увидеть сгусток этих обстоятельств.

Случай в том, что русское крестьянство вышло на арену первой революции со своими необычными наказаниями и образами будущего – с результатом их синтеза. И в это же время В. И. Ленин прочувствовал, как кризис науки изменяет картину мира и как это открывает новую парадигму для развития социальных масс (конкретно – для революции незападных культур). И молодые большевики, и молодые крестьяне, рабочие и солдаты поняли смысл движения в новом направлении. Эта инновация была сложным и огромным синтезом.

Когда в 1924 году умер Ленин, философ Бертран Рассел написал: “Можно полагать, что наш век войдёт в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза, одному – в области мысли, другому – в действии... Государственные деятели масштаба Ленина появляются в мире не больше, чем раз в столетие, и вряд ли многие из нас доживут до того, чтобы видеть равного ему”.

Каким же знанием и навыками обладали российские крестьяне в начале XX века?*

Ещё выскажу своё субъективное суждение. Я вырос в крестьянской семье, которая получила образование вначале при царе, потом в СССР. Моя мать и шесть её братьев и сестёр много мне рассказывали и объясняли жизнь и в том, и в другом строе. В 1941–1942 годах я в эвакуации учился жить в деревне в Казахстане — там мне очень многое объяснили, а я запомнил. В 1944 году я жил с дедушкой в деревне. Он со мной много разговаривал, объяснял и спрашивал меня, и я принял систему его мышления. Я и сейчас считаю, что его мышление было не просто умным, но мощным. Говоря со мной, он создавал образы, в которых я почти чувствовал и видел движение многих существ. Я школьником и студентом, и позже старался поработать в деревне (особенно на целине) и всегда получал ценные факты, понятия, новые подходы и приёмы.

У крестьян были сложные знания, хотя они не были оформлены и были “неявным знанием”. У них были эффективные навыки: наблюдения, образы, соединения структур, опыт предвидения состояний климата и погоды, признаки рисков и угроз, развитый понятийный аппарат. В этих условиях крестьяне рассчитывали ресурсы и силы на весь будущий год. Хозяйство в динамичной неопределённости требует от крестьянина непрерывно изучать изменения условий, маневрировать временем и силами. Крестьянин мыслит образами, которые покрывают все факторы и явления, часто связанные в нестабильные системы. Много войн показали, какие массивы знания и навыков накопили крестьяне России вместе с армией.

Можно предположить, что общность нашего крестьянства после 1970–1980 годов утратила свое “неявное знание” и получила представление об общесте от образования идеологического и устаревшего типа. Новое поколение обществоведов оторвалось от реальности СССР и республик. Плановая система стала деградировать под контролем новой гуманитарной элиты, и кризис знания перешёл в демонтаж прошлой системы — при том, что старое обществоведение не могло освоить новую картину нашего мира. Ряд ведущих обществоведов согласились, что социология “стала важным фактором реформирования и, в конечном счёте, революционного преобразования”. Результат очевиден.

Так, научное гуманитарное обеспечение общества и государства иссякло к середине 1980-х годов — и запасы старших поколений, и теории истмата стали неадекватными для кризисной реальности СССР. Но в таком состоянии никакая страна долго не сможет уцелеть. Наше население — не крестьяне, которые могли автономно пережить бедствие в своих деревнях.

Особенно в последние три года стало очевидно, что с нашей олигархической формацией долго не протянуть. Это почувствовали даже наши романтики-либералы. Чтобы жить, придётся и работать, и учиться, восстановить и запустить машину организации. И наши аналитики и системщики должны вернуться к реальным проблемам.

Сейчас можно предположить, что во второй части XX века у нас возник разрыв системы гуманитарного знания, притом что развитие общества и государства стало резко усложняться. На Западе усилили общественные и гуманитарные науки — на основе метода жёсткой науки (беспристрастно изучать реальность), а идеология — это другая служба. У нас мало кто захочет жить под господством капитализма — культуры разные. Но надо трезво изучить их культуру.

Вот фризы — этническая общность, их территория называлась Фрисландией. Это был народ фермеров, но они были и мореходами, и торговцами. Главным их товаром были рабы — фризцы были посредниками варягов. Этот этнос создал корень *современного капитализма*. Фризцы принесли его в Голландию, а также вместе с англами и саксами они заселили Англию. Их поэт сказал:

---

* Надо учесть, что знание крестьян, охотников, кочевников других культур ещё мало изучено во многих странах. Много сделали антропологи, но их понятия и модели остаются схемами предметов. В США на начале системного анализа математикам был задан проект новой системы бомбометания. Изучая предмет, аналитики показали, что для такой задачи лучше привлечь агрономов, которые на опыте представляют “расплывчатые явления” и работают в атмосфере неопределённости. Это было наследие крестьян и фермеров.

Да, был такой народ, создатель капитализма, — но какая хватка и чёткость! Позже А. Смит идеологически обосновал капитализм как новую экономическую формацию. Он приложил к хозяйству принцип научного метода — *удалить нравственные ценности*. В его теории центральным хозяйствующим субъектом, обладающим частной собственностью, был эгоистический индивид. Он вёл своё дело на чисто экономической, а не “добродетельной” основе, посредством рыночных операций (купли-продажи).

А у нас основой общественных наук была больше *нравственность*. У одних нравственной была свобода без границ, у других нравственными были равенство и солидарность. Так и разошлись по десяткам тропинок. Несοиζмеримость ценностей разрушила СССР. Но теперь-то всем нам чрезвычайно важно срочно остановить войну фантомов и трезво посмотреть на реальность.

Наши образованные политики, учёные и академики должны разделить разные и необходимые сущности — *реальности* и *личные нравственные ценности*. Наши молодые политологи и социологи, статистики и системщики обязаны накопать достоверного знания, а на досуге могут порадоваться или пострадать о своих ценностях, и даже включиться в борьбу. Пока что их гражданская функция не на высоте.

Можно представить такой пример. Любое решение предваряется *структурно-функциональным анализом*. Целеполагание и проекты требуют создания образа, который строится разными способами. На этой стадии возникают ошибки — обычно сначала создают неверные образы функции (“зачем действие?”) и структуры (“что может и должна делать эта структура?”). Ответить на вопросы “зачем?” и “что?” гораздо сложнее, чем кажется. Образ цели и действительный часто не отвечает задаче.

Сначала люди обдумывают то, что хорошо видно. Потом замечают хвосты каких-то скрытых вредителей или разных угроз. Требуется *анализ* всей картины целей, действия и препятствий, как врач рассматривает в томографе все слои головного мозга пациента. В дисциплинах естественного знания, медицины, техники, военного дела и др. обучали и обучают способам задавать вопросы и отвечать на них, создавая в своём сознании образ предмета. Но в общественной науке этих навыков не давали и, видимо, не дают.

Сейчас, когда Россия существует в переходном периоде, возникает много новых функций и структур. Основа структурно-функционального анализа — *предвидение* и *рефлексия*. Но череда реформ меняла и функции, и структуры, и во многих организациях произошла утрата “*системной памяти*”. Опасным бывало и разрушение *оперативной памяти* — о тех предвидениях, целях и доводах, которые могут повлиять на решение и состояние объекта. Но сейчас политологи (да и экономисты) смотрят на реальность через призму своих предпочтений (точнее, предпочтений начальников). Молодые политологи считают себя *политиками*, хотя их задача — изучать реальный процесс политики.

Я в 2010–2016 годах читал лекции в МГУ политологам, и оказалось, что студентам было трудно объяснить сущность политики. В каждой лекции представлялась конкретная функция политики — это было понятно. В конце курса надо было соединить все части и представить реальность, но в программе это не было предусмотрено. Действительно, проблема синтеза многих функций и структур заслуживает целого курса. Авторитетный профессор позвал меня к себе в семинар, я ему предложил тему: “Образ экономики”. Я изложил её, как мог. Как-то все заволоновались — все экономисты, — они много говорили, но тему обходили. Все они знают свои аспекты, но они не соединяются у них в общую картину. Как же увидеть ядро бытия цивилизации, страны, народа? Ведь экономика неразрывно связана с политикой, со стихиями, с психологией, с культурой и — часто — с войной. Её невозможно вылущить из общественной жизни, как орешек. Образ этого сгустка людям приходится создавать в воображении.

Чтобы овладеть смыслами процессов хозяйственной деятельности, государства и общества должны иметь “образы” собственного народного хозяйства и экономики тех стран, с которыми ведутся коммерческие отношения или от которых исходят угрозы. Для этого надо сделать эти образы *видимыми* (в форме текстов и документов, расчётов и схем, карт и таблиц). Эта операция называется *визуализацией*.

Я помню, как в 1960-е годы в химии произошёл прорыв в визуализации молекул и их структур. Какой был подъём! Сначала стали доступны образы молекул вещества посредством облучения его электромагнитным полем – ультрафиолетовым и инфракрасным. Получали спектры: один позволял увидеть связи атомов электронами, а другой – расположение ядер атомов в молекуле. Потом освоили спектроскопию ядерного магнитного резонанса – получили три “портрета” молекулы, сделанные в разном свете и в разных ракурсах. Набор таких методов быстро расширился – счастливое было время! Сложные проблемы разрешались быстро, как будто нам помогала магия. Возможность *видеть* предмет исследования в каком-то смысле преобразовывала картину мира. И не только в химии. Я бы даже сказал, что именно в общественной науке такой подход дал бы более широкие возможности, чем в естественных науках.

В советском и российском *обществоведении* визуализация и системный анализ отстали, а перестройка толкнула их в кризис – произошёл распад методологии и рационального мышления. Любой кризис поражает важные блоки общественного сознания, но нынешний выделяется в российской истории неспособностью общества и государства понять суть происходящего. Мы же в конце XX века как будто вернулись в пещеру, увлеченные плясками шаманов и театром теней на её стенах. Хладнокровно изучать реальность мы не могли, всё наше внимание поглощали абстрактные сущности. Из нашего разума как будто вынули “чип”, ответственный за здравый смысл.

Россия переживает наложение нескольких кризисных волн, и совокупный глубокий кризис придёт ещё долго переживать. Многие исследователи и практики видели происходящие в обществе и государстве процессы как источники угроз. Было ощущение, что на наших глазах “сеются зубы дракона”, которые через 5–10–20 лет прорастут как угрозы, которых мы ещё и не представляем. Это ощущение разлито и в обыденном сознании. Официальное обществоведение и СМИ стараются заглушить эту тревогу в противоречивых сообщениях, которые не подтверждаются. Да и сами люди в массе своей подавляют в себе страхи. В беспорядочном потоке событий начинает проявляться структура той системы угроз и рисков, которая, как облако, надвигается на нашу страну.

Сейчас многие думают, как возродить научные школы, собирают и обновляют принципы и приёмы “русской науки”, чтобы снабдить хотя бы базовыми сведениями ту молодёжь, которой предстоит принять на себя основной удар новых, вызревающих угроз. Надо трезво глядеть на вещи и обдумывать происходящее.